

Обзоры. Рецензии

УДК 903'1:39(=221.15)"2"(045)

А.П. Беликов

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В III В. Н. Э. [РЕЦ. НА: ЛЮБЧАНСКИЙ И. Э. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК СОЛЁНЫЙ ДОЛ (ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ 2006–2010 ГОДОВ). ЧЕЛЯБИНСК: АБРИС, 2017. 132 С., 4 С. ЦВ. ИЛ., ИЛ.]

Статья написана в жанре рецензии на монографию известного археолога И. Э. Любчанского, посвящённую проблемам этнической истории Волго-Уральского региона. Его труд написан на основе раскопок уникального погребального комплекса. Автор книги ввёл в научный оборот новые вещественные источники, что позволило ему дать ответ на дискуссионный вопрос об этнической принадлежности населения региона в период «поздней древности». Также И. Э. Любчанскому удалось выделить период, после которого произошло размывание позднесарматской культурной традиции и началось формирование новой археологической культуры, тесным образом связанной с миграцией новой кочевой волны из восточных районов в пределы Южного Урала.

Ключевые слова: кочевой мир, сарматский культурный ареал, Волго-Уральский регион, этническая история, погребальные комплексы III в. н. э.

Период «ранней древности» (III в. н. э.) — один из наиболее сложных для археологического изучения, особенно при определении этнического состава населения кочевого мира. В то время на огромных пространствах от Тихого Океана до Дуная интенсивно перемещались самые разные племена, что сопровождалось не только столкновениями между ними, но и взаимным культурным влиянием и даже ассимиляцией. Дополнительная сложность исследования заключается в относительно скромном археологическом материале, особенно — для Южного Урала.

Отсюда — диаметрально противоположные точки зрения на этнический состав региона в эпоху «ранней древности». Такой авторитетный исследователь, как М. Г. Мошкова, связывает памятники Южного Зауралья с позднесарматской археологической культурой, конкретно — с её лесостепным вариантом [7]. С другой стороны, известный специалист С. Г. Боталов настаивает на принадлежности погребений этой степной зоны культуре населения, входящего уже в гуннский союз племён [1-3]. Мнения археологов разделились, поскольку обе позиции имеют как свою доказательную базу, так и уязвимые для критики моменты.

Поэтому любой новый вещественный материал важен не только сам по себе, позволяя пролить дополнительный свет на дискуссионные вопросы, но и тем, что его анализ позволяет приблизиться к изучению данной проблемы.

В этом плане своевременным стало издание новой монографии известного археолога, доцента Челябинского государственного университета Ильи Эдуардовича Любчанского. Впервые в полном объёме публикуются в ней материалы уникального для Южного Зауралья могильника Солёный Дол, раскопанного автором на юге Челябинской области при поддержке студентов госуниверситета и сотрудников всемирно известного Заповедника «Аркаим». Автор даёт подробное описание погребальных и поминальных комплексов, культового сооружения, анализирует погребальный инвентарь и обряд, рассматривая их именно в контексте изменения материальной культуры кочевого населения евразийских степей в эпоху «поздней древности».

Рецензируемая работа состоит из введения, трёх глав, заключения; практически исчерпывающей библиографии темы, и очень ценного приложения (с. 124–131), выполненного Е. П. Китовым (Челябинск) и А. А. Хохловым (Самара), в котором представлены анализ краниологии могильника Солёный Дол. В книгу включены четыре страницы хороших цветных фотографий, большое количество иллюстраций и стратиграфии могильника, очень тщательно и доброту подготовленных самим автором.

Во введении кратко характеризуется история археологического изучения Южного Зауралья. Автор справедливо констатирует, что до конца 60-х гг. XX в. исследования археологических памятников не носили систематического характера (с. 4). Но с этого времени и особенно с середины 1980-х гг. можно уже говорить о подлинно научном и, по возможности, комплексном изучении эпохи «ранней древности».

В лучших традициях отечественной науки, с данью уважения к своим предшественникам, заложившим фундамент современных знаний своими исследовательскими работами, И. Э. Любчанский чётко формулирует задачу собственного труда: прежде всего в том, чтобы конкретизировать нижние хронологические рамки появления памятников, подобных могильнику Солёный Дол, и прояснить некоторые спорные моменты изучаемой эпохи (с. 5). Забегая вперёд, отметим, что, на наш взгляд, он убедительно добился поставленной цели.

Первая глава — «Могильник Солёный Дол (по материалам полевых исследований 2006–2010 гг.)» на стр. 6–93. Первый параграф «Описание могильника Солёный Дол» (с. 6–14) начинается с подробного описания месторасположения изучаемого памятника. Впервые он был открыт при проведении аэрофотодешифровки фотоснимков (1976 и 1988) И. М. Ботаниной и Н. В. Левит. Впоследствии площадка могильника осматривалась и проводился её мониторинг.

Личная заслуга И. Э. Любчанского заключается в том, что он первым обратил серьёзное внимание на этот перспективный могильник. В 2004 г. он провёл инструментальную топографическую съёмку могильника, в ходе которой составил его подробнейший план. Полномасштабные раскопки под руководством учёного начинаются здесь в 2006 г. За 5 лет исследования могильника было раскопано 6 курганов, 1 «гантелевидный» курган и одно «сооружение». К сожалению, по независящим от автора причинам, ему не удалось продолжить раскопки. Выражаем надежду, что его монография усилит интерес к этому, действительно, уникальному во многих отношениях памятнику и стимулирует дальнейшие работы на территории могильника.

По данным И. Э. Любчанского, комплекс погребений состоит из 27 круглых земляных насыпей диаметром 10–15 м. Кроме них, в систему могильника входят 5 кольцевидных сооружений диаметром 25–30 м, 2 «подковообразных» сооружения диаметрами 25–35 м и 3 «гантелевидных» кургана длиной 30–50 м (с. 7). Дана подробная локализация курганов и «сооружений», что очень облегчит последующие раскопки: ведь значительная часть из этого перечня земляных насыпей остаётся невскрытой.

Второй параграф «Описание исследованных погребальных комплексов могильника Солёный Дол» (с. 14–93) содержит детальное изложение значительного материала, полученного автором по каждому кургану отдельно.

Курган № 3 дал много фрагментов керамики, украшения, бронзовое зеркало с орнаментом и центральной петелькой для подвешивания на обратной стороне. Любопытна находка железного ножа с обломанным кончиком острия. Вероятно, это было какое-то ритуальное действие; к сожалению, автор не уделил ему особого внимания.

Костяк, принадлежавший молодой женщине, имеет явные следы искусственной деформации черепа.

В кургане № 4 обнаружена погребальная колода из лиственницы, перекрытая сверху остатками бересты (с. 42). Кости скелета принадлежат мужчине возрастом около 40 лет. Характерная деталь — останки имеют следы заживлённых тяжёлых травм: нос сломан вправо, на лобно-теменной части черепа сохранились следы двух сильных ударов компрессионного и рубящего характера. Очевидно, они свидетельствуют о том, что мужчина участвовал как минимум в трёх серьёзных схватках, что, на наш взгляд, подтверждает мнение о проникновении в регион пришлых элементов и об участившихся конфликтах с ними. В могиле найдены фрагменты железного меча с длиной лезвия 20 см, шириной 5 см и толщиной 0,5 см (с. 44). Мечи такого типа были широко распространены в евразийской степи и лесостепи в позднесарматское или гунно-сарматское время [5, с. 21–22].

В кургане № 5, помимо значительного инвентаря, находился костяк погребённого мужчины. Его грудная клетка сильно сжата, плечи приподняты, кости позвоночника изогнуты и смещены (с. 61), что, вероятно, свидетельствует о ритуальном «пеленании» усопшего. Возможно, автор мог бы уделить больше внимания этой интересной теме.

Курган № 20 содержит костяк женщины средних лет. Особенность погребального обряда — в положении умершей на слое глины, которая, в свою очередь, уложена на слое тонких деревянных плашек, расположенных на дне могильной камеры (с. 74).

Насколько нам известно, такая традиция погребения не была свойственна региону изучаемого периода. Хотелось бы, чтобы автор попытался проследить аналогии на примере Южного Урала и сопредельных территорий. Большое количество бусин в могиле, несомненно, свидетельствует о высоком социальном статусе похороненной женщины.

Своеобразен и интересен курган № 22, содержащий в себе две могильные ямы. В яме № 1 расчищены фрагменты костяка ребёнка, предположительно не старше двух лет, и две бусины — стек-

лянная и янтарная. В могильной яме № 2, расположенной в центральной части кургана, находится костяк молодой женщины, притом в самой могиле, что необычно, нет никакого сопроводительного инвентаря (с. 82). Остаётся гадать, последствия какой трагедии скрывает в себе этот курган.

В кургане № 8 ни могильной ямы, ни инвентаря найдено не было.

У раскопанного неподалёку, в центральной части сооружения, валообразного сооружения сохранились очертания могильной ямы на глубине 0,8 м. Однако, в ней отсутствовали костяк, погребальный инвентарь, кости животных. Возможно, это кенотаф.

Полученный материал даёт возможность охарактеризовать и проанализировать общие и особенные черты в погребальном обряде могильника.

В главе второй «Характеристика и анализ погребального обряда могильника Солёный Дол» (с. 94–104) автор приходит к выводам и обобщениям. Типологически у всех погребений общие черты, но каждое из них имело особенности. Видимо, это показатель археологической культуры, уже подвигшейся заметному культурному влиянию извне.

В то же время, положение усопших во всех могилах стандартное, как и свойственные им всем следы искусственной деформации черепа. Полагаем, что это безусловно свидетельствует об устоявшихся традициях и о пока ещё не очень сильном, но уже присутствовавшем, влиянии со стороны.

Анализируя погребальный инвентарь, автор подробно говорит о находке, действительно сенсационной для Урала. Это — остатки небольшого деревянного сосуда, сохранившегося только благодаря тому, что он был подвергнут термическому воздействию. На шейке и венчике сосуда сохранился отпечаток бронзовой накладки. Аналогичные накладки обнаружили и в погребении кургана № 4. Деревянная посуда в условиях степи сохраняется очень плохо, и прямых аналогий такой посуды от Волги до Урала найти не удалось, тогда как в погребениях Центральной и Средней Азии (Монголия, южное Забайкалье) она представлена довольно широко. Автор с осторожностью не исключает возможности её массового существования и в Волго-Уральском регионе (с. 100). Но вероятно, возникнет вопрос: имела ли такая посуда на изучаемой территории автохтонный характер или попала сюда вместе с переселенцами с юга и востока, либо — под их влиянием.

С такой же (понятной) академической осторожностью, автор датирует могильник в пределах II–IV вв. н. э. В то же время, полученный материал позволяет ему дать и более узкие датировки для исследованных курганов. С оговоркой, что это весьма условно, он все вскрытые погребения датирует в пределах первой половины III в. н. э. (с. 102–104). Представляется, что в данном случае у И. Э. Любчанского есть основание более твёрдо настаивать именно на таком временном отрезке.

Определённое, что очень ценно, И. Э. Любчанский делает вывод о погребальном обряде: памятник, несомненно, относится к позднесарматскому, но никак не гуннскому периоду (с. 102–103).

Таким образом, введённый им в научный оборот новый материал позволяет прийти к обоснованному заключению, что, по крайней мере, до середины III в. н. э. в Волго-Уральском регионе жили именно сарматы. В этом видится главная научная ценность представленной работы, позволившей учёному решить один из сложнейших вопросов этнического состава населения региона в период «поздней древности».

О том же свидетельствует краниологический анализ 5 исследованных черепов взрослых погребённых, у которых одинаковая кольцевая искусственная деформация. Два из них европеоидные, один — уралоидный, один — европеоидно-уралоидный, и один — европеоидно-монголоидный [4, с. 127–131]. Что любопытно: оба черепа смешанного типа принадлежат женщинам, что, по нашему мнению, настоятельно требует дополнительного осмысления.

Итоговый вывод автора: могильник принадлежит этнически неоднородному кочевому населению Южного Зауралья позднесарматского времени (с. 104). Мы бы добавили: несмотря на неоднородность — с явным и очевидным преобладанием европеоидов. По крайней мере, именно это показывают костяки из вскрытых курганов, хотя, конечно, надо учитывать и то, что раскопаны пока далеко не все погребения могильника.

В то же время, безусловно следует согласиться с автором, что погребальный обряд «характеризует процесс формирования нового этнического коллектива в первой половине III в. н. э.» (с. 104). Можно добавить: в котором происходило не только культурное, но и биологическое смешение представителей разных народов. Последний фактор отчётливо прослеживается в двух из пяти погребённых черепов, что едва ли можно объяснить случайностью.

Глава третья «Могильник Солёный Дол и его место в культуре кочевников Южного Урала эпохи “поздней древности”» (с. 105–115) носит концептуально-обобщающий характер. Автор даёт соб-

ственную периодизацию «поздней древности», выделив хронологически три периода. По его мнению, первый из них: вторая половина II–III в. н. э. — соответствует времени формирования и существования позднесарматской археологической культуры Нижнего Поволжья (с. 105), что позволяет в исследованиях опираться на более широкий материал номадов Южного Урала и Казахстана, поскольку все они близки между собой.

Далее И. Э. Любчанский ставит важные вопросы общего плана: чем можно объяснить эту близость? в чём конкретно сходство и различия? возможно ли говорить о трансформациях этнического, внутривосточного и геополитического порядка? Правда, ответы на эти интереснейшие вопросы даны слишком краткие: желательнее был бы более развёрнутый анализ.

Намного подробнее затронута сравнительная характеристика разного типа мечей из погребений Евразийского культурного ареала. Здесь отмечено несомненное влияние среднеазиатской традиции длинных двулезвийных мечей, что, вслед за А. С. Скрипкиным [8, с. 188], автор склонен объяснять миграцией нового населения с востока или юго-востока в Волго-Уральский регион. «Азиатский» импорт или подражание ему очевидны (с. 115). Подчёркивается и опосредованное влияние клинкового оружия Древнего Китая (с. 109–111). Эти выводы принципиально важны, поскольку опровергают довольно устойчивое представление о «замкнутости» кочевого мира и его «закрытости» для заимствований и влияния со стороны соседей.

Возвращаясь к зеркалу из могильника Солёный Дол, автор констатирует, что в массовом порядке зеркала такого типа распространяются в степях от Южного Урала до Карпат. Как показал А. П. Медведев, подобные зеркала с центральной петелькой и геометрическим орнаментом в центре связаны с сарматской, и даже шире — общей индоиранской — мифологической традицией [6]. Следовательно, население Южного Зауралья было частью очень широкого общесарматского этнического типа.

Погребальные комплексы II–III вв. н. э., вне всякого сомнения, связаны с общей доминантой носителей сарматской культурной традиции. Но с середины III в. н. э. начинается заметное снижение этой культурной доминанты и фиксируется процесс эволюции материальной культуры. С этого времени в южно-уральских степях идёт процесс формирования новой, хотя и близкой, позднесарматской культурной традиции, тесным образом связанной с миграцией новой кочевой волны из восточных районов степи в пределы Южного Урала (с. 115).

Таким образом, И. Э. Любчанский чётко зафиксировал тот временной рубеж, после которого начинается размывание сарматской культурной традиции, и это — очевидное достижение автора.

В кратком заключении подводятся итоги исследования. Проанализировав артефакты могильника Солёный Дол, автор делает вывод о том, что практически весь инвентарь находит прямые аналогии в памятниках середины — второй половины III в. н. э. из Южного Приуралья, Заволжья и Нижнего Подонья (с. 117), что свидетельствует о существовании единого сарматского культурного ареала.

Монография существенно расширяет наши представления об очень интересной эпохе в истории евразийского номадизма и позволяет по-новому взглянуть на сложнейшие культурные и исторические процессы, изменившие этническую картину Южного Зауралья.

Остаётся лишь сожалеть, что она издана небольшим тиражом и малодоступна даже для специалистов. По этой причине мы попытались по возможности подробнее изложить содержащийся в ней фактический материал и общие выводы автора.

Труд И. Э. Любчанского выполнен на высоком научном уровне, так что замечания едва ли уместны. Но по ходу рецензии мы отметили некоторые аспекты, которые, очевидно, нуждаются в более обстоятельном, развёрнутом описании и анализе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2009. 672 с.
2. Боталов С. Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры европейских гуннов. Челябинск: Издательский Центр ЮУрГУ, 2013. С. 32–87.
3. Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей / Сер. «Этногенез уральских народов». Челябинск: Изд-во «Рифей», 2000. 268 с.
4. Китов Е. П., Хохлов А. А. Краниология могильника Солёный Дол позднесарматского времени в Южном Зауралье // Уфимский археологический вестник. 2010. Вып. 10. С. 127–131.
5. Любчанский И. Э. Материальная культура номадов Южного Зауралья во II — начале VI в. н. э.: комплекс вооружения // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. 2009. Вып. 34. С. 20–26.

6. *Медведев А. П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус. 2008. 254 с.
7. *Мошкова Г. А.* Археологические памятники южноуральских степей второй половины II–IV вв.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (погребальный обряд) // Российская археология. 2007. № 3. С. 103–111.
8. *Скрипкин А. С.* Проблема происхождения позднесарматской культуры // Нижневолжский археологический вестник. 2011. Вып. 12. С. 183–196.

REFERENCES

1. *Botalov S. G.* Gunny i tjurki (istoriko-arheologicheskaja rekonstrukcija) [Huns and Turks (historical and archaeological reconstruction)]. Chelyabinsk: LLC “CICR “Ripheus” Publ., 2009, 672 p. (In Russian).
2. *Botalov S. G.* O gunnah evropejskih i gunnah aziatskih [On the Huns of the European and Huns of the Asiatic]. Gunnskiy forum. Problemy proishozhdenija i identifikacii kul'tury evropejskih gunnov [Hunsky Forum. Problems of origin and identification of the culture of the European Huns]. Chelyabinsk, South Ural State University Press, 2013, pp. 32–87. (In Russian).
3. *Botalov S. G., Gucalov S. Ju.* Gunno-sarmaty uralo-kazahstanskih stepej [Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakh steppes]. Chelyabinsk, “Ripheus” Publ., 2000, 268 p. (In Russian).
4. *Kitov E. P., Hohlov A. A.* Kraniologija mogil'nika Soljonyj Dol pozdnesarmatskogo vremeni v Juzhnom Zaural'e [Craniology of the burial ground Salt Dol of Late Sarmatian time in the Southern Trans-Urals]. Ufimskij arheologicheskij vestnik [Ufa Archaeological Bulletin], 2010, issue 10, pp. 127–131. (In Russian).
5. *Ljubchanskij I. Je.* Material'naja kul'tura nomadov Juzhnogo Zaural'ja vo II — nachale VI veka n. je.: kompleks vooruzhenija [Material culture of nomads of the Southern Trans-Urals in the 2 — beginning of the 6 century AD: Arms complex]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija [Bulletin of Chelyabinsk State University. History], 2009, issue 34, pp. 20–26. (In Russian).
6. *Medvedev A. P.* Sarmaty v verhov'jah Tanaisa. [Sarmatians in the upper Tanais]. Moscow, “Taus” Publ., 2008, 254 p. (In Russian).
7. *Moshkova G. A.* Arheologicheskie pamjatniki juzhnoural'skih stepej vtoroj poloviny II–IV vv.: pozdnesarmatskaja ili gunno-sarmatskaja kul'tura (pogrebal'nyj obrjad) [Archaeological monuments of the South-Ural steppes of the second half of the 1–4 centuries: Late Sarmatian or Huno-Sarmatian culture (funerary rite)]. Rossijskaja arheologija [Russian Archeology], 2007, no. 3, pp. 103–111. (In Russian).
8. *Scripkin A. S.* Problema proishozhdenija pozdnesarmatskoj kul'tury [The problem of the origin of Late Sarmatian culture]. Nizhnevolskij arheologicheskij vestnik [Nizhnevolszsky Archaeological Bulletin], 2011, issue 12, pp. 183–196. (In Russian).

Поступила в редакцию 15.06.17

A.P. Belikov

**ON THE ETHNICITY OF THE SOUTHERN TRANSURALS POPULATION IN THE III CENTURY A.D.
[REVIEW OF: LYUBCHANSKIY I.E. KURGANIC BURIAL GROUND SOLYONYI DOL (RESULTS
OF RESEARCHES 2006-2010). CHELYABINSK: ABRIS, 2017. P.132, P.4 OF COLOR ILLUSTRATIONS, IL.]**

The article is a review of a very interesting monograph by the well-known archaeologist I. E. Lyubchanskiy, dedicated to the problems of ethnic history of the Volga-Ural region. His work is written on the basis of excavations of a unique funerary complex. The author of the book introduced new material sources into science. This allowed him to answer the discussion on the ethnicity of the population of the region during the “late antiquity”. Also I. E. Lyubchanskiy managed to distinguish the period after which the late Sarmatian cultural tradition eroded and the formation of a new archeological culture that is closely related to the migration of a new nomadic wave from the eastern regions to the limits of the Southern Urals.

Keywords: Nomadic world, Sarmatian cultural area, Volga-Ural region, ethnic history, burial complexes of the III century A.D.

Беликов Александр Павлович,
доктор исторических наук, доцент кафедры
зарубежной истории, политологии
и международных отношений

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
E-mail: abelikov@rambler.ru

Belikov A. P.,
Doctor of History, Associate Professor
at Department of Foreign History, Political Science
and International Relations

North-Caucasian Federal University
Pushkin st., 1, Stavropol, Russia, 355009
E-mail: abelikov@rambler.ru